

Размышления над новой книгой

© 2018 г.

Л.Г.ФИШМАН

ЛЕВОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

ФИШМАН Леонид Гершевич - доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия (lfishman@yandex.ru).

Аннотация. Рассматриваются ключевые положения новой книги Б.Ю. Кагарлицкого «Между классом и дискурсом». Хотя неолиберальная версия глобального капитализма вступила в эпоху кризиса, леволиберальные левые не смогли дать адекватного ответа на новые вызовы. Вместо обоснования и осуществления классовой политики, нацеленной на защиту интересов трудящихся, они взяли на вооружение постмодернистский «дискурс» идентичности, мультикультурализма, политкорректности, который способствует осуществлению «политики фрагментации» и объективно является одним из инструментов неолиберальной социальной политики. Между тем, изменения, происходящие в экономике и социальной структуре современных обществ, способствуют разрушению прежних классов и формированию новых социальных групп. Сейчас эти трансформации находят свое политическое выражение в росте лево- и правопопулистских партий и движений. Левые, вырабатывая свою стратегию, должны осмотрительно и критически взаимодействовать с этими новыми политическими силами. В рецензии обращается внимание на проблематичность и неоднозначность некоторых ответов, данных автором книги на поставленные им же самим вопросы.

Ключевые слова: класс • дискурс • левые • популизм • предательство интеллектуалов

DOI: 10.31857/S013216250000193-5

Эту книгу¹ можно было бы назвать результатом «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», если бы она не была написана человеком, которого никак нельзя уличить в холодности. Напротив, это плод ума, который, не без горечи, но отнюдь не бесстрастно и отстраненно не только наблюдал в течение последних десятилетий за эволюцией современных левых, но и сам являлся ее активным участником.

Почему, несмотря на то что неолиберальная версия глобального капитализма очевидным образом вступила в эпоху кризиса и распада, до сих пор не появилось альтернативы ей? Почему левые силы, которые, по определению, должны были воспользоваться ситуацией, раз за разом обнаруживают свою неспособность радикальным образом изменить существующий порядок вещей? И как так получилось, что, напротив, очень многие из считающих себя левыми, в действительности выступают в роли «интеллектуалов на страже капитализма»? Все эти вопросы рассматриваются Б.Ю. Кагарлицким в семи главах книги. «Между классом и дискурсом» не является сухим изложением абстрактной схемы. Каждый может оценить адекватность теоретических оснований книги, ознакомившись с тем, как они «работают», когда автор осуществляет интереснейший и захватывающий анализ ситуации в конкретных странах Европы и Америки, чему посвящена изрядная часть исследования.

Не претендуя на исчерпывающее изложение содержания рецензируемой работы, выделим основные и наиболее интересные, на наш взгляд, теоретические сюжеты рассматриваемой темы. Это, конечно, «класс», «дискурс», «левые» и попытка ответа на старый вопрос «что делать?»

Что произошло с трудящимися классами? Они попали фактически в нисходящий тренд социальной мобильности и оказались раздробленными. Неолиберальная экономическая политика

¹Кагарлицкий Б. Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 280 с.

породила «большое число “плохих” рабочих мест и весьма ограниченное количество “хороших”.... Масса “средних” мест перемещается в страны Азии, где они тоже оказываются тупиковыми ... Между массой неквалифицированных “низов” и “рабочей аристократией” возникает почти непреодолимый разрыв. ...На низовом уровне формируется социальное гетто, откуда почти невозможно вырваться.... На верхнем уровне квалификационной иерархии ...могут неоправданно расти зарплаты, но это отнюдь не значит, будто усиливается позиция рабочего класса в целом, поскольку одновременно увеличивается и разобщенность между его низами и верхами» (с. 35-36).

Нельзя сказать, что левые интеллектуалы не откликнулись на такое изменение положения трудящихся. Но этот отклик оказался весьма специфическим. Он прозвучал в условиях идеологической победы неолиберализма и постмодернизма. «Если неолиберализм претендовал на определенную преемственность, ...подчеркивая, что прогрессом является именно то, что ранее считалось его тормозом (сокращение прав работников, отказ от общественного контроля и регулирования и т.д.), то постмодернизм ставил под вопрос прогресс как таковой. Первая идеология предназначалась победившей буржуазии, вторая — деморализованным левым интеллектуалам» (с. 27). В контексте их торжества расцвела идеология **политкорректности**, которая «убивала саму идею социального прогресса, понимаемого как достижение общих целей и решение задач, объективно назревших в масштабах общественного развития и разрешающего накопившиеся экономические, классовые и политические противоречия. Отныне противоречия капитализма не надо было разрешать, достаточно было лишь заботиться о «прогрессе» (вернее - успехе) определенных групп в рамках существующей системы через «позитивную дискриминацию» (с. 42).

Идеология политкорректности породила на практике **«логику фрагментации»**, которая проявилась в эффективной технологии, применяемой «для подрыва солидарности и раскола трудящихся по расовому (гендерному, культурному и т.д.) признаку». Одним приписывают роль жертв, нуждающихся в покровительстве прогрессивной либеральной элиты, другим — роль грешников, которым предстоит искупить свою вину «за счет отказа от защиты собственных интересов и соблюдения идейно-политических ритуалов политкорректности». При этом сложилась атмосфера «тоталитарного морального террора, когда любое публичное выступление против доминирующего дискурса фактически блокировалось или, в лучшем случае, осуждалось как проявление старомодного, патриархального, консервативного или сталинистского мышления» (с. 57-58). Таким образом, дискурс левых стал обоснованием **«либерально-гуманистического клиентелизма»**, который разобщал и дробил массу работников «на множество противостоящих друг другу групп, каждая из которых была организована вертикально и подчинена контролю собственной коррумпированной элиты» (с. 56-57).

В свою очередь заметим, что «гегемония интеллектуалов», заполонивших западные университеты и СМИ палеоконсерваторами (вроде Патрика Бьюкенена [Бьюкенен, 2003]), давно описывается как торжество граммшианской «культурной революции». Они усматривают в этом увенчавшийся успехом заговор многочисленных «марксистов» по достижению едва ли не «классовой гегемонии» с целью свержения капитализма. Но с точки зрения Б. Кагарлицкого, с которой трудно не согласиться, хроника «успешного заговора» – история капитуляции, а атмосфера «морального террора», созданного леволиберальным истеблишментом, отражает его моральную катастрофу.

Плюс ко всему перечисленному, в левом дискурсе сложился **«культ креативного бездельника»** - последний превратился в идеал свободной личности, что явным образом противоречило марксистской традиции преобразования и гуманизации самого труда. Речь велась не о социальной революции и социальных реформах, затрагивающих способ производства, а о «перераспределении средств в пользу тех, кто не хочет разделить со своими согражданами бремя труда» (с. 32-33). На этом основании начала широко обсуждаться возможность введения в западных странах «базового безусловного дохода» (ББД), сторонники которой ожидают от этой меры достижения некоего «освобождения» трудящихся. В отличие от ряда левых, Б. Кагарлицкий к этой идее относится предельно критично. Он не усматривает во введении ББД никакого «освобождения», скорее – разновидность вредной благотворительности и продолжение неолибе-

ральной политики свертывания социального государства.

В итоге, дискурс большинства современных «левых» перестал быть «классовым», т.е. ориентированным на *действительные* нужды трудящихся, и превратился в разновидность либерального со всей его риторикой прав человека, «идентичности», мультикультурности и т.д. Сами левые интеллектуалы при этом переместились отчасти в ряды obsługi истеблишмента, отчасти оказались в удобном академическом гетто и, по большому счёту, так или иначе коррумпировались, добиваясь признания в глазах буржуазных академических элит, но не трудящихся. Вместе с буржуазно-бюрократическими интеллектуальными и политическими элитами, эти «левые» преуспели в навязывании обществу разновидностей либерального дискурса идентичности, который способствует фрагментации общества и отвлекает его от решения вопросов, которые действительно тревожат людей. Более того, параллельно с зарубежными исследователями [Campbell, Manning: 707-708], Кагарлицкий резонно отмечает, что риторика и практика политкорректности ведут к закреплению статуса «жертв» за «защищаемыми» такого рода левыми интеллектуалами дискриминируемыми социальными группами, к постоянному конструированию все новых и новых меньшинств, «каждое из которых непременно нуждается в институциональном оформлении, без чего невозможно ни практическое проведение политики позитивной дискриминации, ни воспроизводство клиентел» (с. 85). Те же интеллектуалы, которые не приемлют сложившегося положения, обычно ограничиваются критикой с менее радикальных, но политически стерильных позиций. На практике они не могут предложить ничего, кроме призывов к «сопротивлению», которые обрекают недовольных на заведомо проигрышную тактику социальных групп, лишь реагирующих на ухудшение своего положения, но не способных проводить самостоятельную политику и преследовать собственные цели.

Тем не менее, будучи марксистом, Б. Кагарлицкий исходит из того, что приговоры истории редко бывают окончательными. Те политические силы, которые потерпели крах сегодня, под влиянием изменившейся ситуации, могут воспрянуть вновь. В конце концов, именно разбитые классы хорошо учатся.

Что же изменилось ближе к концу 2000-х гг.? В свое время была популярна метафора маятника, согласно которой социал-демократические и праволиберальные силы сменяли друг друга у власти в политическом процессе западных стран. Тем самым поддерживался баланс между соблюдением интересов трудящихся и эксплуататорских классов. В период торжества неолиберализма маятник стал иллюзорным (социал-демократы превратились в проводников все той же неолиберальной политики), если не вовсе сломался. Но застыть в одном положении маятник не смог – на смену предателям-социалистам пришли популистские движения левого и правого толка. От них нельзя отмахнуться как от досадного преходящего явления, которое, по мере улучшения экономической ситуации рассосется само собой. Популизм – симптом ставшего неизбежным возвращения массовой политики (с. 149) и этот симптом не исчезнет, пока не будут решены вызвавшие его появление проблемы [Фишман, 2017].

Тут мы должны уделить внимание тому, как автор оценивает глобальную ситуацию в целом. От этого прямо зависит его оценка популизма, его перспектив, возможных успехов или провалов и, разумеется, ответ на вопрос «что делать?» Если попытаться резюмировать позицию автора, то она заключается в следующем: глобальная революционная ситуация» - Новороссия, Brexit, американские выборы 2016 г. - есть, революционной политической силы - нет (с. 277).

Из этого вытекает и оценка популизма как межуточного явления, которое возникает тогда, «когда классовая организация и классовое сознание трудящихся либо еще только формируются, либо уже переживают кризис, разлагаются» (с. 154). Соответственно, от этого политического выражения явно *разлагающегося* (или намеренно фрагментированного, как можно заключить из предшествующих разделов книги?) классового сознания нельзя ожидать целостности. Точно так же нельзя и ожидать от популистов последовательности практических действий. Так, левые популисты, как ярко показал пример «Сиризы», оказались неспособными идти до конца, хотя бы потому, что у них не было внятной программы социальных преобразований. Они, в глубине души, сами страшились ломать неолиберальный порядок. Следствием этого стало усиление влияния правых популистов, которые, по крайней мере, на словах, в наименьшей степени привержены разного рода политкорректности и пока еще не стесняются открыто поднимать

реально интересующие людей вопросы.

Что же делать левым в складывающейся глобальной революционной ситуации без адекватной революционной политической силы? Ответ автора ожидаем – работать с тем, что есть. Сами по себе популизмы – как левые, так и правые – по понятным причинам скорей всего обречены на поражение. Поэтому левым, сотрудничая с популистами, предстоит проделать большую работу, львиная доля которой сводится к собственно выработке «классового сознания», выражающегося в осознании классовых интересов, целей, в программе действий. «Коалиция протеста и сопротивления» тогда может уступить место «новому блоку, основанному на долгосрочной стратегической перспективе. Причем его формирование не может быть просто плодом развития стихийного движения или столь же стихийной концентрации общественных надежд на том или ином популярном политике. Здесь требуется сознательная политическая работа, формирование внутри переходного популистского блока новой гегемонии» (с. 174–175).

Здесь возникают вопросы, на которые, по нашему мнению, в книге не дается ясного ответа. Прежде всего, как мы отметили, автор считает популизм политическим представителем разлагающихся классов, находящихся под воздействием как идеологической «логики фрагментации», так и неолиберальной экономической политики. Но можно ли из *разлагающихся* классов составить новый *прогрессивный* «исторический блок»? Положительным ответ на этот вопрос может быть только, если разложение данных классов представляется почти исключительно искусственным, навязанным извне процессом. Это напоминает взгляд русских народников XIX в. на судьбы крестьянства, которое еще можно спасти, если революционным путем остановить развитие капитализма. Если условием для формирования нового «исторического блока» является *восстановление* утраченного классового сознания и классовой политики разлагающихся классов (а такой вывод не трудно сделать, исходя из рассуждений автора), то не идет ли речь о своего рода политике реставрации? Возникает впечатление, что Б. Кагарлицкий невольно артикулирует чаяния именно *разлагающихся* классов, чьи популистские симпатии отражают их стремление вернуть старое доброе прошлое с классовым сознанием и политикой. Наконец, если мы имеем дело с не разлагающимися, а, напротив, формирующимися, т.е. новыми классами (автор указывает и на такую возможность), то что это за классы? Самый интересный вопрос, на который в книге нет прямого ответа – из какого субстрата и под воздействием каких объективных факторов возникнут новые классы с левыми интересами и взглядами? Вряд ли в качестве такого субстрата подразумевается расплывчатый «прекариат» (Г. Стэндинг, 2014), появления классового сознания у которого многие ожидают в обозримом будущем [Тощенко, 2015: 11–12]. Однако некоторые рассуждения автора позволяют предполагать, что эти новые классы могут быть, по крайней мере, частично *сконструированы* в ходе политики новой индустриализации, которая только одна и способна разрешить ряд проблем, стоящих перед развитыми странами (с. 77–79). Можно заключить, что для автора «разлагающиеся» классы – не значит исчезающие, что разложению в данный исторический момент подвергается не столько их собственно «классовая» субстанция, обусловленная объективным положением по «отношению к собственности на средства производства и общественному разделению труда», сколько ее отжившие социальные и политические формы. Всякая реконструкция социума сопровождается разложением таких старых социальных форм и становлением форм новых.

Далее, мы хотим обратить внимание на проблему, которая, как нам представляется, вытекает из рассуждений Б. Кагарлицкого, но специально им не артикулируется. В общих чертах он дает ответ на вопрос: что сегодня означает «возвращение к классовой политике? Для этого требуется избавление от нынешнего либерального дискурса, отличающегося неспособностью ставить действительно актуальные для большинства вопросы, оперирующего не классами, а «множествами» или «меньшинствами». И для тех, кто оказался *под влиянием* этого дискурса, избавление от него значит – первый шаг к осознанию своих собственных интересов.

Но что означает избавление от либерального дискурса для левых интеллектуалов? Проблема всякого политического дискурса заключается в том, что он создается ради самоописания и политического выражения нужд отнюдь не большинства населения любой страны. Собственно, таков и классический либеральный дискурс, ответвлением которого является дискурс со-

временных левых интеллектуалов. Классический либеральный дискурс, что давно признано, хорошо подходил для самоописания нужд буржуазии и обслуживающих ее слоев, тогда как трудящиеся если и могли описывать себя в его парадигме, то только закрывая глаза на самые важные аспекты своего собственного бытия. Потому что если их и беспокоили проблемы самовыражения, свободы и собственности, то отнюдь не до такой степени, в какой они были актуальны для производителей дискурса. Современный леволиберальный дискурс таков же. Он – язык социальных слоев, для которых проблемы вроде поиска постоянной работы или жилья не являются наиважнейшими, которые живут в мире, где решена большая часть такого рода вопросов и, в силу этого, они могут обратить внимание на проблемы гендерного равенства и культурной идентичности. Этот язык **вырастает из бытия** академических интеллектуалов и богемы, культурные устремления которых во многом совпадают с «буржуазными» (Д. Брукс [Брукс, 2013] не случайно для описания этой социальной группы ввел термин «бобо» – божественная буржуазия). Для них исключительно важно быть замеченными и «признанными», чтобы затем получать ренту с признания. При этом признание крайне редко достижимо только индивидуальными усилиями – оно требует поддержки со стороны своего рода кланов и «мафий», или, выражаясь корректно, «сложившихся групп интересов», на которые поделена божественная или научная среда. Будучи перенесенной на сферу политики, такая жизненная установка и породила многочисленные дискурсы «идентичности», провозглашающие борьбу за насущные интересы таких больших и размытых социальных групп, как, например, «женщины» или «цветные». Но тут и сказался либерально-буржуазный идеологический бэкграунд, в русле которого рассуждения о «правах человека и гражданина» реально описывают потребности и устремления отнюдь не большинства. Вместо артикуляции нужд собственно «женщин», «цветных», «культур» и т.д. дискурс левых интеллектуалов начал выражать интересы элитарных меньшинств, которые, под видом борьбы за интересы своих социальных групп, присваивали себе все плоды позитивной дискриминации (с. 42–43). Даже если субъективно создатели леволиберального дискурса и не хотели этого, объективно их социальное положение, помноженное на их язык, и запустило «логику фрагментации». Так и случилось то, что Б. Кагарлицкий называет очередным «предательством интеллектуалов».

Но было ли это предательством, если леволиберальный дискурс достаточно органично вытекал из бытия интеллектуалов и богемы? Если мы вспомним что именно подразумевал под «предательством интеллектуалов» Ж. Бенда, то окажется, что таковым изначально считалась измена неким высшим и вечным ценностям, близких духу классического либерализма и абстрактной «демократии». Предательство это осуществлялось, по мнению Бенда, не в последнюю очередь, ради марксизма с его диалектическим материализмом, «экономизмом» и, – о ужас! – в пользу «политической системы, преследующей практическую цель» [Бенда, 2009: 61], т.е. тесно связанную с низменными интересами конкретных классов. Иначе говоря, «предательство» произошло гораздо раньше, а переход ряда левых интеллектуалов на леволиберальные позиции был лишь «возвращением блудного сына» к своему, так сказать, «естественному состоянию». И поэтому именно теперь от левых интеллектуалов требуется очередное «предательство», что на языке прежнего поколения «предателей» считалось выходом за рамки своей уютной классовой ограниченности.

Только изменение бытия массы интеллектуалов способно трансформировать их сознание. Новый «дискурс» может стать следствием трезвого понимания того, что интеллектуалы лишь временно были «своими» на элитарном празднике жизни, а в действительности они являются «пролетариями умственного труда» и думать им надо о таких же пролетариях. Иными словами, вряд ли стоит ожидать появления «органической интеллигенции» в грамматическом духе из среды «разлагающихся» трудящихся классов, на что, видимо, рассчитывает автор. Скорее следует ожидать соответствия классическому образцу: часть господствующего класса (в данном случае – его интеллектуальная обслуга) перед революцией переходит на другую сторону. Фрагментированные трудящиеся классы вновь осознают свои интересы, когда за дело возьмутся «предатели» из такого же фрагментированного «класса», которые не станут дожидаться, чтобы из привилегированного положения их выбросил сам ход истории.

В заключение, мы хотели бы отметить, что действительно затрагивающие за живое и актуальные книги не обязаны давать ответы на все вопросы, которые возникают при их чтении.

Напротив, отвечать на вопросы и получать от этого удовлетворение – привилегия не столько писателя, сколько читателя. И автор «Между классом и дискурсом» щедро наделяет нас такой привилегией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Социум, 2009.
Брукс Д. Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М.: «Ад Маргинем Пресс», 2013.
Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: Аст, 2003.
Тощенко Ж.Т. Прекариат - новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. №6. С. 3-13.
Фишман Л. Г. Популизм – это надолго // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 55-70.
Campbell B., Manning J. Microaggression and moral cultures // Comparative sociology. 13. 2014. P. 692-726.

Статья поступила: 12.02.18. Принята к публикации: 14.03.18.

LEFT-LIBERAL DISCOURSE: THEORY AND PRACTICE OF BETRAYAL

FISHMAN L.G.

Institute of Philosophy and Law, UrB RAS, Russia

Leonid G. FISHMAN, Dr. Sci. (Polit.), Prof. of Russian Academy of Sciences, Principal Researcher of Institute of Philosophy and Law, UrB RAS, Ekaterinburg, Russia (lfishman@yandex.ru).

Abstract. The article focuses on a critical analysis of the main provisions of B. Yu. Kagarlitskiy's new book "Between Class and Discourse. How Left Intellectuals Serve Capitalism." Despite the era of crisis that neo-liberal version of global capitalism entered, left-liberal intellectuals could not provide an adequate response to new challenges. Instead of justifying and implementing class policies aimed at protecting the interests of workers, they adopted a postmodern "discourse" of identity, multiculturalism, and political correctness. This discourse contributes to the implementation of the "fragmentation policy" and is objectively one of the tools of neoliberal social policy. B. Kagarlitskiy convincingly demonstrates relationship between this discourse and neoliberal policy of transformation of the state of general welfare, which contributes to the rejection of universalism of social policy in favor of targeted social assistance and clientelism. All this allows the author to draw a conclusion about the treachery of left-liberal intellectuals. Major attention of the book is on the changes taking place in economy and social structure of modern societies that contribute to the destruction of previous classes and the formation of new social groups. Presently these transformations find their political expression in the growth of left and right-populist parties and movements. The left, developing their strategy, must interact carefully and critically with these new political forces. At the same time, not all of the author's conclusions look indisputable. Is it possible, as follows from B. Kagarlitskiy arguments, to compose a new progressive "historical bloc" from the decaying classes? Is it right to speak of the "treachery of intellectuals", if their "discourse" is an organic consequence of their social being? This review draws attention to the problematic nature of these and some other answers that the book author has provided for his own questions.

Keywords: class, discourse, left, populism, treachery of intellectuals.

REFERENCES

- Benda J. (2009) *The Treason of the Intellectuals*. Moscow: IRISEN, Socium. (In Russ.)
Brooks D. (2013) *Bobos In Paradise: The New Upper Class and How They Got There*. Moscow: "Ad Marginem Press". (In Russ.)
Buchanan P. (2003) *The Death of the West*. Moscow: Ast. (In Russ.)
Campbell B., Manning J. (2014) Microaggression and moral cultures. *Comparative sociology*. No. 13: 692-726.
Fishman L.G.(2017) Populism Will Be Long Lasting . *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. No. 3: 55-70. (In Russ.)
Toshchenko Zh.T. (2015) Precariat – a new social class. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3-13. (In Russ.)

Received: 12.02.18. Accepted: 14.03.18.

ЛУКОВУ Валерию Андреевичу - 70 лет

В июле 2018 г. исполняется 70 лет Валерию Андреевичу Лукову — видному российскому социологу и специалисту социогуманитарного знания (социальная философия, методология гуманитарных наук, культурология, литературоведение, политология и др.). Доктор философских наук (1989), профессор (1993), заслуженный деятель науки Российской Федерации, в среде социологов он известен работами по социологии молодежи. Большинство его книг и статей посвящены социологическим аспектам изучения молодежи, молодежного движения, молодежной политики.

Валерий Андреевич — один из лидеров научной школы молодежных исследований Московского гуманитарного университета (раньше — Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, Институт молодежи, Московская гуманитарно-социальная академия), где он трудится почти полвека: сначала был слушателем, а потом ученым Научно-исследовательском центре (НИЦ), многие годы возглавлял Институт фундаменталь-

ных и прикладных исследований и был проректором по научной и издательской работе, сейчас директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Института фундаментальных и прикладных исследований. С университетом связано его становление как социолога, хотя, как и его брат-близнец — выдающийся культуролог и литературовед Владимир Андреевич Луков (1948–2014), он мог формироваться как филолог: вместе с братом он с отличием окончил факультет русского языка и литературы Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, тогда лучшего в стране, после чего по распределению работал в средней школе в г. Осинники Кемеровской области, потом зав. отделом учащейся молодежи и пионеров Осинниковского ГК ВЛКСМ. Филологические увлечения юности сыграли заметную роль в обосновании В.А. Луковым получившего теперь известность у нас и за рубежом общеметодологического тезаурусного подхода, который возник в начале 1990-х гг. у В.А. и Вл.А. Луковых, когда они положили его в основу концепции Всемирной Детской Энциклопедии «Глобус», поддержанной президентом РФ и видными учеными, деятелями культуры всего мира. Тезаурусная концепция представлена В.А. и Вл.А. Луковыми в монографиях «Тезаурусы» и «Тезаурусы II» (М., 2008, 2013), во многих статьях.

В конце 1980—начале 1990-х гг. его работы по молодежной тематике приобрели особое звучание: НИЦ ВКШ, пользуясь конституционным правом законодательной инициативы ВЛКСМ, начал подготовку Закона о молодежи, который после нескольких лет работы и всенародного обсуждения приобрел форму Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политике в СССР», принятого в апреле 1991 г. Одним из активных участников работы над законопроектом, концепцией государственной молодежной политики, внедрением института социальной службы для молодежи, осуществлявшихся под руководством И.М. Ильинского, был В.А. Луков, что отмечено премией Ленинского комсомола. Он не раз выступал руководителем групп Государственной Думы по подготовке проектов федеральных законов о поддержке молодежных и детских общественных объединений, защите прав ребенка, выступал с инициативой принятия многих региональных законов по молодежной политике. Валерий Андреевич был ответ-

ственным редактором государственных докладов о положении молодежи в РФ (1996, 1998, 2000), зам. председателя и членом экспертно-консультативных советов при соответствующих комитетах Государственной Думы. Все это определяло актуальность его работ в области социологии молодежи, направленность его научных исследований на социальное и социокультурное проектирование, социальную экспертизу и т.д. В этих направлениях он и получил наибольшее признание. Участие в создании федеральных и региональных актов законодательства, работа по применению науки в органах и организациях, ответственных за проведение государственной молодежной политики, определили соединение в его исследованиях молодежи социологических, правовых, психологических и других аспектов, утверждение междисциплинарности.

Научное значение трудов В.А. Лукова связано с разработкой методологии тезаурусного подхода (совместно с Вл. А. Луковым) и его применением к теориям молодежи, выдвижением тезаурусных концепций молодежи, социализации, теории воспитания, социального проектирования. Монография В.А. Лукова «Теории молодежи» (М., 2012) позитивно воспринята многими из его учеников в науке (а их немало: под его руководством защищены 43 кандидатских и 5 докторских диссертаций, он зам. председателя диссертационного совета при МосГУ). В последние годы он выдвинул концепцию биосоциологии молодежи, которая непосредственно связывается с информационным обществом. В ряде работ он показал неоднозначность отношения молодежи к перспективам «улучшения» человека, распространяемым, среди прочего, в версии трансгуманизма (иммортизм, киборгизация, бесполость и т. д.).

В научно-педагогической работе (с 1994 г. он — профессор кафедры социологии, несколько лет преподавал социологию в Польше на польском языке, был там зав. кафедрой социологии молодежи), как и в редакторской работе (член редколлегии «СОЦИСа», зам. главного редактора журнала «Знание. Понимание. Умение», главный редактор электронного журнала «Горизонты гуманитарного знания» и др.) и в общественной деятельности (член Научного совета РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике» и др.) он вдохновляется на новые идеи. Президиум РАН утвердил его «экспертом РАН» (2015). Он избран академиком Международной академии наук (Инсбрук, Австрия), руководит Отделением гуманитарных наук Русской секции этой академии, является академиком Международной академии наук педагогического образования, член Международной социологической ассоциации (ИК-34 «Социология молодежи»). Имеет государственные награды: медали СССР и РФ (1986, 1997). Он Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2008); Почетный работник сферы молодежной политики РФ (2009), награжден Почетной грамотой Государственной Думы РФ. Многие из его публикаций вышли за рубежом (Австрия, Германия, Польша, США, Финляндия и др.). В 2002–2017 гг. он осуществлял 96 проектов, поддержанных научными фондами как руководитель и исполнитель. Среди этих проектов относящихся к сфере социологии молодежи. Самый перспективный из них — электронная энциклопедия под руководством В.А. Лукова «Социология молодежи», которая продолжает свою жизнь в Интернете.

Сейчас он заканчивает работу над многотомной «Тезаурусной социологией», где придается решающее значение *социальной субъектности*, т.е. свойству людей принимать решения и действовать, опираясь на сформировавшуюся культурную картину мира. Поздравляя Валерию Андреевича с юбилеем, мы желаем ему наилучшим образом завершить эту работу, включающую многообразие его социологических замыслов.

А.И. КОВАЛЕВА
д. социол. н., проф.

Редакция присоединяется к поздравлениям и выражает Валерию Андреевичу глубокую признательность за многолетний добросовестный труд в редколлегии нашего журнала.